

Е. Л. ТИХОНОВА
(Улан-Удэ)

РУССКИЕ ПРЕДАНИЯ О БАРГУТАХ В ЗАПИСЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI В.*

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы русских преданий о баргутах, зафиксированные во второй половине XX — начале XXI в. Современные записи преданий о баргутах расширяют сюжетно-мотивный состав тематического цикла об исчезновении аборигенов с конкретной территории.

Ключевые слова: предание, мотив, мифологические универсалии.

В русских преданиях Западного Забайкалья баргуты (наряду с чудью) являются первыми жителями этого края, обитавшими здесь задолго до прихода сюда не только русских, но и бурят, и эвенков. Однако если предания о чуде распространены повсеместно от Русского Севера до Дальнего Востока, то ареал бытования преданий о баргутах четко очерчен — это Баргузинская долина в Республике Бурятия, место, где обитало древнее монголоязычное племя баргут. По свидетельству историков, в XII—XIII вв. земли вокруг Байкала (Предбайкалье и Забайкалье) населяли монголоязычные племена, наиболее крупными из которых были племена хори и баргут [Зориктуев 1996, 34]. Непосредственным же местом обитания племени баргут было Забайкалье, а именно Баргузинская долина. Об этом свидетельствует не только летописный (Сокровенное сказание монголов), но и топонимический, и фольклорный материал [Там же, 41]. Таким образом, предания о баргутах имеют под собой определенную конкретно-историческую основу и являются «визитной карточкой» фольклорной традиции Баргузинской долины.

Относительно семантики этнонима «баргут» существуют различные точки

зрения. По мнению видного бурятского монголиста, языковеда Т. А. Бертагаева, корень -барга- в монгольских языках функционирует как самостоятельное слово в значении «грубый, необразованный, неотесанный, некультурный» (цит. по: [Зориктуев 1996, 26]). Исследователь М. Н. Мельхеев утверждает, что слово «барга» в некоторых бурятских диалектах означает «глушь», «глухомань», «окраина» [Мельхеев 1969, 115]. При помощи суффикса множественного числа -ут- образуется этноним «баргут». В любом случае, в русской фольклорной традиции этноним «баргуты» функционирует как наименование древнего племени, жившего на данной территории очень давно и исчезнувшего с нее после того, как появился знак (белая береза), указывающий на то, что на этой территории появится «белый народ».

В русской фольклорной традиции Забайкалья доминирующим мотивом образа баргутов являются их огромные размеры. Баргуты — крупные, большие, здоровые, рослые. «Здесь жили какие-то огромные люди — баргуты. <...> Они очень крупные были» (зап. от Башкир Т. Я., 1909 г. р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 1996 г.); «Бабушка еще говорила нам. Баргуты — это был народ очень такой мощный, здоровый» (зап. от Уховой Г. М., 1937 г. р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 1996 г.); «Оне были сильный народ, большой народ» (зап. от Шелковникова И. Е., 1912 г. р., в с. Малое Уро Баргузинского района РБ в 1982 г.). В преданиях указывается на огромные кости, обнаруженные в местах обитания исчезнувших аборигенов, по которым можно судить о размерах баргутов: «<...> нашли мы лытку от его, от этого, от баргута. Вот лытка, целу как у коней, как есть эти лытки. Вот таку лытку нашли» (зап. от Малыгиной М. И., 1910 г. р., в с. Читкан Баргузинского района РБ в 1982 г.); «Баркуты были крупный народ. Признаки были, кости-то находили» (зап. от Зверькова Л. Т., 1887 г. р., в с. Телятниково Баргузинского района РБ в 1982 г.); «Ребята... однажды нашли кость. <...> Вы знаете, она была вот такой вот, может быть, величины, это кость голени. Но поднять ее было трудно. Она была

очень тяжелая, причем, она была не вся голень, а часть. Значит, действительно, кто-то здесь жил крупный» (зап. от Башкир Т. Я., 1909 г. р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 1996 г.). Таким образом, в преданиях о баргутах выделяется мотив обнаружения костей, который коррелирует с основным мотивом образа баргутов — баргуты суть крупные, большие, здоровые. Мотив «аборигены — крупные, большие люди» довольно устойчив в преданиях об исчезнувших древних жителях в различных регионах и является, по сути, мифологическим. Сознание древнего человека определяло первых людей как великанов [Криничная 1988, 114]. И тот факт, что баргуты в народных рассказах предстают великанами, выявляет архаичность их образа, их мифологическую семантику.

Довольно часто в обрисовке образа баргутов рассказчики используют определение «первобытный»: *«первобытные люди завелись, <...> они завелись, баргуты, в Баргузине перво»* (зап. от Гаськова Ф. С., 1897 г. р., в с. Телятниково Баргузинского района РБ в 1982 г.); *«Народ был большой, говорят, здоровый, но недоразвитый, такого ничо не было — первобытный»* (зап. от Шелковникова И. Е., 1912 г. р., в с. Малое Уро Баргузинского района РБ в 1982 г.); *«Они не знали, как огонь добывать. Они стучали камень об камень, потом зажигали огонь. Первобытные люди жили»* (зап. от Малыгиной М. И., 1910 г. р., в с. Читкан Баргузинского района РБ в 1982 г.). Через определение баргутов как первобытных людей осуществляется противопоставление их современным жителям не только по внешнему признаку («крупный народ» — «обычный народ»), но и по образу жизни, по уровню материальной культуры. Таким образом реализуется семантическая оппозиция «свой — чужой», прослеживается эффект отстранения аборигенов. Оппозиция «свой — чужой» реализуется и в мотиве «аборигены суть черные люди». В одном из преданий о баргутах говорится: *«Они все черны были»* (зап. от Малыгиной М. И., 1910 г. р., в с. Читкан Баргузинского района РБ в 1982 г.). Семантическая связь слов

«черный» и «чужой» уже рассматривалась в работах фольклористов и может считаться доказанной.

Одним из наиболее устойчивых мотивов в русских преданиях о баргутах является мотив нахождения в той или иной местности «следов» пребывания аборигенов. Мотив нахождения «следов» в преданиях о баргутах реализуется по-разному. «Следами» могут быть: кости; ямы, сараи, шалаши для самопогребения; мельница; колодец; канава; кресты; орудия труда (топоры, ножи, наковальни); предметы конской упряжи; сережки, браслет. Эти «следы» требовали своей интерпретации, логического с народной точки зрения объяснения, что неизбежно порождало в рассказе мотив пребывания исчезнувшего народа в данной местности. Как видим, в преданиях об исчезнувших народах все основные мотивы коррелируют друг с другом, часто вытекают один из другого, что делает эти предания типологически сходными в разных регионах бытования.

Сюжетобразующим мотивом в преданиях о баргутах является мотив добровольного/недобровольного исчезновения. Самая распространенная его версия — мотив самопогребения. В устойчивой связи с ним выступает мотив появления в конкретной местности белой березы: *«<...> оне уничтожали себя, когда пошла береза, услышали, что белый люд будет.* (Вспомним, что образ баргутов обладает семантикой «черный народ». — Е. Т.) *В долине там и делали царай, камни накладывали, подсекали, уничтожали сами себя»* (зап. от Гаськова И. И., 1906 г. р., в с. Большое Уро Баргузинского района РБ в 1982 г.). В свернутом виде проявляется семантическая оппозиция «белый — черный», синонимичная оппозиции «свой — чужой». *«А вот белый народ, береза бела стала расти, они говорят, что народ белый будет таперь и давай заваливать друг дружку вот в этих ямах, и там ямы у нас нагребены, вот чувствительны ямы, колодцы и кости ихны и все вот эти вот баргуты вот их называли. Оне оттого стали убивать сами себя, что белый народ, оне боялись белый народ»* (зап. от Малыгиной М. И., 1910 г. р., 121

в с. Читкан Баргузинского района РБ в 1982 г.).

Мотив появления белой березы очень устойчив в преданиях о баргутах. Белая береза символизирует в данном случае белый народ. Как пишет М. М. Громыко, «<...> береза выступает как символ русской нации, как знак ее распространения» [Громыко 1975, 83]. И не случайно именно березу в преданиях народная традиция делает предвестницей появления на конкретной территории русских поселенцев. Издревле береза воспринималась славянами (и не только славянами) как священное дерево, обладающее особыми магическими свойствами, одним из которых являлся оберег от нечисти [Громыко 1975, 83].

Более полный анализ преданий о баргутах, представленный нами в монографии «Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края» (см.: [Тихонова 2006, 115—134]), показывает, что данные предания относятся к архаичному пласту народной исторической памяти (глубина довольно значительная), и в основе содержательной части этих преданий лежит мифологический «универсум перволюдей» — информация, значимая не только для нескольких поколений, но и для общины в целом.

Однако в русских преданиях баргуты никогда не осмысливаются как тотемы или как предки, даже потенциальные: рассказчики сразу же отделяют себя от древних жителей края, противопоставляют себя им. Подобное противопоставление наблюдается и в севернорусских преданиях о чуди. Однако в силу конкретных исторических событий, связанных с процессом христианизации и последующей ассимиляции северных аборигенов русским населением, чудь (та ее часть, которая ассимилировалась) начинает восприниматься как далекие предки современных жителей: «Чудь — это предки, и память о них священна для потомков <...>» [Пименов 1965, 136]. Отсюда и мотив культового поклонения чудским могилам в севернорусских преданиях [Криничная 1987, 95], т. е. включение (пусть и не первоочередное) нарративов в обрядовую практику.

В забайкальских преданиях о древнем народе этот мотив отсутствует. «Баргутский след» вызывает у народа любопытство, интерес («интересно так»), но не более того. (Однако заметим в скобках, что этот интерес к прошлому и порождает само прошлое, материализует его в нарративах!) Ни сами баргуты, ни места их обитания и захоронения у русских поселенцев культового почитания не вызывают (они даже страха не вызывают, как, например, «чудские» места в преданиях о чуди). Следовательно, тексты о баргутах не получили в русской традиции сакрального звучания. Кроме того, мы не можем пройти мимо мысли Яна Ассмана о том, что к коммуникативной памяти (к которой мы относим предания о баргутах) допущены буквально все члены общины, а причастность к культурной памяти всегда дифференцирована: «Причастность группы к коммуникативной памяти разлита по всему ее составу. Конечно, одни знают меньше, другие больше, и память стариков уходит дальше в прошлое, чем память молодых. Однако в этой неформальной традиции не существует специалистов и экспертов, хотя отдельные люди могут помнить больше и лучше, чем остальные. Знание, о котором идет здесь речь, приобретает вместе с языком и повседневной коммуникацией. Здесь каждый считается в равной мере компетентным. <...> Культурная память всегда имеет своих особых носителей. К ним относятся шаманы, барды, грио, а также жрецы, учителя, художники, писатели, ученые, мандарины и прочие, как бы ни называли в разных культурах этих уполномоченных знания» [Ассман 2004, 56—57]. Предания о баргутах — это не сакральное знание, и они доступны при желании любому члену общины. Следовательно, предания о баргутах в фольклорной традиции русских Бурятии представляют собой историческое, или профанное, знание, воплощенное, тем не менее, в мифологических мотивах и определяемое временными координатами так: «до прихода сюда русских».

Как уже было сказано выше, предания о баргутах в записях второй полови-

ны прошлого столетия уже становились предметом нашего рассмотрения, был составлен Указатель сюжетов/мотивов преданий об исчезнувших аборигенах края (см.: [Тихонова 2006, 204—207]). Однако исследователи должны отдавать себе отчет в том, что фольклорные процессы в наше время весьма динамичны, даже несколько прошедших лет дают определенный сдвиг в формах бытования разных жанров фольклора, востребованности и реализованности фольклорных жанров в культурно-бытовой жизни людей. Фольклорные сюжеты и мотивы произведений разных жанров могут попадать в сферу актуальной фольклорной традиции того или иного села, так и оставаться на ее периферии. В любом случае, эти сюжеты/мотивы нужно фиксировать и анализировать как составляющие элементы фольклорной традиции в ее сегодняшнем состоянии. Экспедиции в Баргузинский район Республики Бурятия в начале XXI в. как раз показывают динамику фольклорной традиции Баргузинской долины в целом и видоизменения форм и способов бытования русских преданий о баргутах — в частности.

Как в прошлом веке, так и сегодня жители Баргузинской долины считают, что до появления там русских в долине обитало племя баргутов: *«Первые баргуты жители на той стороне вот, где... Раньше у нас через речку паром был, сейчас мост. И вот на той стороне, там раньше были стоянки баргутов. (На той стороне Баргузина? — Соб.). Да. На той стороне, вот, Баргузина, где вот там горка есть, там это место. Но, вот это баргуты, считались, что первые были жители, видимо, нашей долины. И вот, по-ихнему, видимо, и Баргузин называли речку. Ну, и, естественно, потом и поселок Баргузин стал уже здесь»* (зап. от Коневина М. И., 1931 г. р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2008 г.).

Однако в начале XXI в. многие информанты ограничиваются лишь констатацией факта: да, жил такой народ, слышали. А чем занимались и куда подевались — не знаем. Тем ценнее представляются нам записи текстов, содержащие не только общеизвестные

мотивы, составляющие повествовательную структуру преданий об исчезнувших аборигенах в различных регионах страны, но и локальные мотивы, определяющие специфику фольклорной традиции нашего региона.

Таковы записи преданий о баргутах, произведенные в начале нашего столетия и содержащие отдельные мотивы, не зафиксированные в прошлом веке. В 2003 г. в селе Суво Баргузинского района от Постникова А. И., 1912 г. р., был записан подобный рассказ: *«Знают, вас баргуты заинтересовали? Допустим, в Бодоне баргутская канава. Но, канава... не знаю уж, выкопали там кого-то. Ну, не баргуты же ее копали. Не может этого быть. Падь баргутская... Распадок баргутский. Так что сомневаться не надо, что был такой народ. Исчезают люди. (А не рассказывали, как они выглядели? — Соб.). Так вот видите, идет само основание-то слова «барг». Баргузин, баргуты. Барг — зверь какой-то крупный тут. Говорят, что так назывался уссурийский тигр. Но, похожее. Тогда территория его охватывала его владения, даже эти места. <...> Вот это ... вот, допустим, Читинская область, север Баргузинского района, северо-восток, это тут уже так установлено, что тигр тут сюда заглядывал частенько. <...> (Тигр — это барг, получается? — Соб.). Барг, да. (А как это с баргутами, с людьми связано? — Соб.). Ну, как сказать. Баргуты могли себе сами присвоить, потому что отважный зверь, почему племени не получить такое имя. Это же северобайкальские индейцы (!), обязательно тотем-то какой-то такой, защитный. А в бурятском языке «борог» — это тоже зверь. Вот именно вот эти три первых звука — борг — они походят на ворчание хищного зверя, «борг» (изображает рычание — Соб.). Отсюда все и пошло. И на людей попало (зап. от Постникова А. И., 1912 г. р., в с. Суво Баргузинского района РБ в 2003 г.).*

В данном рассказе присутствует нигде ранее не фиксированный мотив возникновения этнонима *баргут* от бур. *бар* — «барс, тигр; львиный» [Топонимический словарь этнической Бурятии 2007, 26]. По классификации топонимических номинаций данный

тип образования этнонима является народно-этимологическим. Информант явно знаком с бурятским словом *бар* и знает его перевод на русский язык, однако в транскрипции А. И. Постникова это слово звучит как *барг*. Это и дало основание информанту выявить этимологию этнонима *баргут* таким интересным образом.

Невозможно оставить без внимания и сравнение баргутов с индейцами. Видимо, по уровню духовной и материальной культуры информант ставит баргутов и североамериканских индейцев (которых, в отличие от баргутов, он может представить себе не понаслышке, визуально) на одну ступень. Подобные сравнения помогают людям сделать неизвестное/непонятное более понятным и поддающимся хоть какому-то объяснению.

Предания о баргутах в Баргузинской долине записывались, в основном, от русского населения. Однако мы располагаем записью, сделанной в селе Суво в 2003 г. от буряты, Буянтуева Ц. К., 1933 г. р., по профессии чабана. Он поведал нам предание, содержащее мотивы, ранее также не зафиксированные: «баргуты убивают себя (заваливают себя землей, подрубая деревянные столбы), потому что из Баргузинской долины ушла вода»¹ и «баргуты падут землю прикрепленным к ноге плугом», что свидетельствует об их необычайной величине и силе: «(А старики про них рассказывали что-нибудь, про баргутов? — Соб.). Им рассказывали. Потом давай, говорит, вода-то ушел, Баргуз[инской] долины, и они давай сам себя убивали, говорят². (Это кто рассказывал? — Соб.). Старики. Ага. (А почему они стали сами себя убивать? — Соб.). Ну, видим, Баргузин долина вода ушел, видим. И значит, жить негде. Сам себя убили. Вот Николай Козулин сто девятнадцать лет жил. Он подкову нашел баргутску, четыре

фунта подкова. Что ж за кони были. Фунт — это сколько? Четыреста грамм надо, по-моему. Вот, четыре фунта. (А как они себя убивали? — Соб.). Ну, видим, земля завалил, видим. И зашли, и столб рубили, задавило их. Вот, щас в Читкане нашли, вот, слышал <...>, что нашли, грит, такое дело. (А как баргуты выглядели? — Соб.). По рассказам, говорили, высота девять..., или двенадцать, говорили, большие люди были. Они пахали, говорят, ногой. Ага. Им как-то плуг делали деревянный и тащили. Потом буряты приехали сюда. Видимо, селенгинские. (А береза здесь всегда росла? — Соб.). Вот, вот это правильно... вопрос. Когда береза росла, и вот эти, как щас говорили, баргут-то, вот. Бело растение — нам делать нечего. Вот, сам себя поубивали. Береза вот эта, бела-то. Только родился, как, рос (о березе — Соб.), говорят, о-о, у нас делать нечего. (А почему делать нечего? — Соб.). Я не знаю это. Чо-то, видим, природа, или как ли (зап. от Буянтуева Ц. К., 1933 г. р., буряты, в с. Суво Баргузинского района РБ в 2003 г.).

Мотив появления белой березы как предвестницы прихода белых людей достаточно устойчив в фольклорной традиции Баргузинской долины. А вот мотив черной березы, росшей в Баргузинской долине до прихода в нее русских, встретился нам только однажды, в том же Суво: «(А про белую березу ничего не рассказывали? — Соб.). Рассказывали. А чо рассказывали. Заполняли э'венки. Теперь, значит, береза здесь была черная, кора. Теперь, значит, когда береза стала белой, эвенки покинули этот район, говорят, тут придет белый народ, заполнит эту Баргузинскую долину. Они стали убегать, и они туды, в верховья Баргузина и сбились все... (Сначала черная была береза? — Соб.). Да, черная, это точно. Она и час попадает, я видел, черная береза. Кора черная. (А как они узнали, что придут белые? — Соб.). Как они узнали... Береза стала окраску менять, значит, и они по окраске березы догадались — придет белый люд. Подались все туды, вверх (зап. от Колмакова В. Е., 1926 г. р., в с. Суво Баргузинского района РБ в 2003 г.).

¹ Этот мотив в предании присутствует наряду с традиционным мотивом появления белой березы и исчезновения/самопогребения баргутов.

² Информант говорит с сильным бурятским акцентом.

В данном предании вместо племени баргутов действуют и поныне проживающие в Баргузинской долине эвенки. Этот факт вызывает к жизни мотив «эвенки покидают обжитые места и уходят в верховья реки Баргузин, увидев белую березу». То есть, образ эвенков (хорошо знакомой информанту нации) никоим образом не коррелирует с мотивом самопогребения, несмотря на то, что образы баргутов и эвенков в предании типологически близки.

В топонимике многих районов не только Бурятии есть ороним Лысая гора. Нам удалось записать текст, в котором этот ороним напрямую связывается с племенем баргутов: *«Теперь, по преданию, у нас вот на правом берегу реки Баргузин находится Лысая гора. Когда-то, по преданию, значит, или предания, вот, от моих, я слышала, бабушек о том, что им родители рассказывали, что на правом берегу реки Баргузин жили как раз вот баргуты. Так, они жили, значит... тогда река имела... была значительно уже, и, значит, эти племена, они часто воевали, значит, вот, с эвенками. Вступали в военные отношения, были потому что очень воинственные. И по преданию рассказывается так, что эвенки не уступали им в военном снаряжении и в своих, значит, навыках военных. И поэтому когда были столкновения, и порой столкновения были настолько вот эти воинственными, что, значит, баргуты применяли не столько свои вот эти военные навыки, чтоб победить эвенков, а применяли хитрость. То есть, они поднимались на вершину горы и исчезали бесследно. Поэтому считают, что вот в нашей Лысой горе были подземные ходы, по которым, значит, баргуты уходили. (Баргуты там какие-то ходы рыли? — Соб.). Да. Ну, вот знаете, вот, приезжали экспедиции, но они не смогли обнаружить. Здесь работала экспедиция. А по рассказам, вот, как-то постоянно это сохранилось, мне бабушка рассказывала, от своего деда, там они говорили, что такие были очень мужественные люди. И вот именно что вот эта Лысая гора имеет как бы свои тайны (зап. от Зарубиной Г. А., 1946 г. р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2008 г).*

В русской фольклорной традиции топоним Лысая гора имеет определенную коннотацию, связанную с нечистой силой. В данном случае Лысая гора служит местом убежища/исчезновения племени баргутов. Известно, что в мифах подобным образом исчезают тотемные предки [Мелетинский 1976, 179, 194, 240]. То, что баргуты исчезают в сакральном объекте (горы/скалы, как и реки в мифологии сакральны), да еще с претенциозным названием Лысая гора, свидетельствует о мифологизации образа баргутов в фольклорной традиции Баргузинской долины.

В других районах РБ образ баргутов в сюжетно-тематической группе преданий об исчезнувших народах может замещаться образами монголов, китайцев, татар. Следует отметить, что, например, в бурятских преданиях китайцы, поняв, что земля будет заселена русскими, «сами укочевали» (не используется, как и в случае с предшественниками-монголами, мотив самоуничтожения), а в русском предании китайцы, как и монголы, «засыпались сами, погубили», то есть присутствует традиционный для преданий об исчезнувших древних народах мотив самопогребения. Типичный пример того, что традиция оказывается сильнее, чем исторический факт.

Таким образом, современные записи преданий о баргутах расширяют сюжетно-мотивный состав тематического цикла об исчезновении аборигенов с конкретной территории. Эти записи позволят расширить содержание Указателя сюжетов/мотивов преданий об исчезнувших аборигенах края (баргутах) [Тихонова 2006, 204—205]. Выделим еще раз мотивы, не отмеченные в Указателе и зафиксированные в начале XXI в.:

— Баргуты называют себя так от бурятского слова *бар* — «барс, тигр, львиный».

— Баргуты убивают себя (заваливают себя землей, подрубая деревянные столбы), потому что из Баргузинской долины ушла вода.

— Баргуты пахнут землю прикрепленным к ноге плугом.

— Обнаружение в конкретной местности «следов» пребывания исчезнув-

ших аборигенов (баргутов). «Следом» является подкова.

— Мотив черной березы, росшей в долине до прихода русских.

— Мотив военного столкновения баргутов с эвенками.

— Баргуты роют подземные ходы в Лысой горе и исчезают там.

Литература

Ассман 2004 — Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004. (Studia historica).

Громыко 1975 — Громыко М. М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII—XIX вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII — начале XX в. (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1975.

Зориктуев 1996 — Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI—VIII вв. Улан-Удэ, 1996.

Криничная 1987 — Криничная Н. А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры / отв. ред. В. К. Соколова. Л., 1987.

Криничная 1988 — Криничная Н. А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа / отв. ред. А. К. Микушев. Л., 1988.

Мелетинский 1976 — Мелетинский М. Е. Поэтика мифа. М., 1976.

Мельхеев 1969 — Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, 1969.

Пименов 1965 — Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

Тихонова 2006 — Тихонова Е. Л. Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. Улан-Удэ, 2006.

Топонимический словарь этнической Бурятии 2007 — Топонимический словарь этнической Бурятии / сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. Улан-Удэ, 2007.

Summary. *In the article motifs of Russian legends about barguts, fixed in second half XX — the beginning of XXI century are considered. Modern records of legends about barguts expand the structure of the subjects and motifs of a thematic cycle about disappearance of natives from concrete territory.*

Key words: *legend, motif, mythological universality.*

М. Р. СОЛОВЬЕВА

(Иркутск)

ХАРАКТЕР ОТРАЖЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ В СОВРЕМЕННЫХ УСТНЫХ РАССКАЗАХ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ПРИАНГАРЬЯ И ЗАБАЙКАЛЬЯ

Аннотация. *В статье определяются особенности отражения в устных реалистических рассказах русских старожилов Приангарья и Забайкалья традиционных форм крестьянской взаимопомощи, являющихся важным компонентом соционормативной культуры сельской общины. Наблюдение над рассказами позволяет получить представление об эволюции обычаев взаимопомощи, зарождавшихся в сфере трудовой деятельности и переходивших в традицию крестьянской благотворительности, и о народном осмыслении их значимости в жизни социума.*

Ключевые слова: *Традиционная вербальная культура, Сибирь, традиции крестьянской взаимопомощи.*

Среди устных реалистических рассказов, зафиксированных за последние три десятилетия в Иркутской области и Восточном Забайкалье, значительную часть составляют тексты, выражающие народное осмысление процесса разрушения традиционного бытового уклада села. Процесс этот неизбежен в эпоху урбанизации, но и в этот исторический период традиционный крестьянский быт мог бы изменяться эволюционно. В нашей же стране данная этнокультурная ситуация усугубилась известными политическими обстоятельствами, и после революции, а особенно в связи с коллективизацией многовековой уклад крестьянской жизни не просто разрушался, а подвергался уничтожению насильственно. До начала этого «грандиозного эксперимента» деревенский мир представлял собой саморазвивающуюся систему, основанную на традициях со-